

большее таинство и говорить о тѣхъ, которые близки намъ по вѣрѣ и добродѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, членами другъ друга являются только вѣрующіе для вѣрующихъ, христіане для христіанъ и совершенные для тѣхъ, которые имѣютъ исполнѣ законченную (совершенную) добродѣтель. Поэтому самъ Павелъ, какъ совершенный, говоритъ въ другомъ посланіи: *А премудрость мы провозглашаемъ между совершенными* (1 Коринѣ. II, 6). Итакъ онъ заповѣдуетъ то, чтобы каждый нѣчто таинственное и сокровенное и исполненное божественною истинною говорилъ съ ближнимъ своимъ, и чтобы *день дню провозвѣщалъ слово, а ночь ночи сообщала познаніе* (Псал. XVШ, 3), т. е. чтобы нѣчто ясное и свѣтлое показывалось тѣмъ, которые заслуживаютъ того, чтобы слышать. *Вы есте свѣтъ міра* (Мѣ. 4, 14). Затѣмъ покрытое тѣнью и закутанное тайною и всякимъ покровомъ (посіе) святости, сообщалъ тѣмъ, которые и сами оказываются ночью, тьмою и мракомъ, о которомъ говорится: *И мракъ подъ ногами Его* (Псал. XVII, 10) [т. е.] несомнѣнно Бога, потому что и Моисей на горѣ Синай вступаетъ въ бурю и мракъ, гдѣ былъ Богъ (Исх. XIX) и о самомъ Богѣ говорится: *Мракъ содылалъ покровомъ Себѣ* (Псал. XVII, 12). Итакъ каждый пусть говоритъ съ ближнимъ своимъ истину и таинственное, и не даетъ святости псамъ, и не бросаетъ бисера предъ свиньями (Мѣ. VII); но того только, кто имѣетъ елей истины, пусть онъ вводитъ въ горницу и въ кладовую Жениха. Затѣмъ будемъ знать, что слова: *говорите истину каждый съ ближнимъ своимъ* заимствованы изъ пророка Захаріи (VШ, 16).

Стихъ 26: *Гнѣвайтесь и не согрѣшайте.*—Ни у кого не возбуждаетъ сомнѣнія то, что эти слова заимствованы изъ четвертаго псалма и, повидимому, они противоположны тому, что говорится въ другомъ мѣстѣ: *А теперь отложите и вы всякій гнѣвъ и негодование, и злобу, и хулу, и безстыдныя рѣчи изъ устъ вашихъ* (Колосс. III, 8). Хотя и простое пониманіе этого мѣста въ смыслъ того, что развязывается

узда гнѣва, опасно. Однако не только у насъ, но и у философовъ слово *гнѣвъ* понимается въ двоякомъ значеніи; во-первыхъ, когда мы, возмущенные обидою, движемся естественными требованіями; во-вторыхъ, когда по прекращеніи нападений на насъ и утишеніи гнѣва умъ можетъ разсуждать, но тѣмъ не менѣе желаетъ мщенія тому, кто признается оскорбителемъ. Посему я думаю, что здѣсь идетъ рѣчь о первомъ видѣ гнѣва, и намъ, какъ людямъ, сдѣлана уступка: возмущаться при видѣ (*ad faciem*) какого-нибудь недостойнаго дѣйствія, но чтобы спокойствіе ума возмущало только какъ бы нѣкоторое легкое движеніе вѣтра; т. е., чтобы мы не легко поддавались бурнымъ волнамъ ярости. Вашъ писатель Фирміанъ написалъ ученымъ и въ то же время краснорѣчивымъ языкомъ книгу *О гнѣвѣ Божіемъ*, которая, по моему мнѣнію, болѣе чѣмъ достаточна для пониманія гнѣва.

Да не заходитъ солнце въ гнѣвъ вашъ.—Если мы понимаемъ по-просту то солнце, которое видимо тѣлесными очами, то погрѣшаемъ только тогда, когда гнѣвъ продолжается и послѣ захода солнца. Но не погрѣшаемъ тогда, когда, напримѣръ, гнѣваясь отъ перваго часа до одиннадцатаго, мы дѣлаемъ то, что намъ подсказываютъ негодованіе, ярость, гнѣвъ. Мнѣ кажется, что нѣтъ ничего несообразнѣе такого толкованія, какъ будто не можетъ кто-либо отъ восхода солнца до захода неистовствовать въ столь великихъ преступленіяхъ, что потомъ въ теченіе всей своей жизни невозможно искупить ихъ слезами. Съ другой стороны, не болѣе ли мѣсто имѣть гнѣвъ днемъ; въ то же время ночь съ наступленіемъ сна является успокоеніемъ ярости и, если бы мы даже гнѣвались тогда, мы переносимъ свою гнѣвливость на слѣдующій день. Поэтому истинное солнце, заходящее надъ злыми пророками,—какъ объ этомъ написано: *надъ вашими пророками солнце зашло въ полдень* (Амос. VIII. 9), —зайдетъ также надъ всѣми грѣшниками, и восходъ Его не

будеть для нихъ благопріятнымъ; и Апостоль учить, чтобы мы не дѣлали чего-нибудь такого, за что солнце скрывается для насъ, и главная сторона сердца нашего окутывается мракомъ. Нѣкоторые полагають, что это мѣсто должно понимать такъ же просто, какъ и мѣсто изъ четвертаго псалма, откуда оно, повидимому, заимствовано: *Что вы говорите въ своемъ сердцѣ, на своихъ постеляхъ, то да будетъ вамъ огорченіемъ* (Псал. IV, 5), т. е. чѣмъ вы согрѣшаете на дѣлѣ, словами или помысленіями, то вы очищайте покаяніемъ въ теченіе ночи; тогда гнѣвъ будетъ не продолжителенъ и не будетъ перенесенъ на слѣдующій день.

Стихъ 27: *И не давайте мѣста діаволу.*—Діаволь слово греческое, которое на латинскомъ языкѣ значить *клеветникъ*; на Еврейскомъ языкѣ онъ называется: *сатана*, т. е. *противникъ*, или: *врагъ*, и у Апостола: *Веліалъ*, т. е. *беззаконникъ*, потому что съ шен своей сбросилъ служеніе Богу, что Авила перевелъ словомъ: *отступникъ*. И при этомъ должно знать, что тамъ, гдѣ въ Ветхомъ звѣтъ написано: *сыны заразы*, какъ въ словахъ: *Сыновья Илія, сыны заразы* (1 Пар. II), въ Еврейскихъ свиткахъ вмѣсто *зараза* употреблено: *Веліалъ*, т. е. *діаволъ*, хотя весьма многіе вмѣсто *Веліалъ* у Апостола читають неправильно: *Веліаръ*. Итакъ, говорить онъ, не давайте мѣста діаволу, который, какъ левъ рыкающій, ищетъ доступа, чтобы сдѣлать нападеніе. Дѣйствительно, какъ Отецъ и Сынъ стоятъ предъ дверію сердца и ударяють въ нее, чтобы войти и совершать вечерю съ тѣмъ, кто Ихъ приметъ (Апок. III); такъ и врагъ всегда готовъ бросаться на насъ, и когда мы даемъ [ему] мѣсто, то входитъ. Но обыкновенно, прежде чѣмъ войти онъ бросаетъ нѣкоторые стрѣлы и помыслы дѣлаетъ предтечу своего пришествія. Если эти помыслы мы воспріимъ въ сердцѣ своемъ и позволяемъ возростать, то, когда онъ увидитъ въ насъ увеличившуюся для себя добычу, рѣшается и самъ войти. Наконецъ, онъ бросилъ первую стрѣлу въ сердце Іуды Иса-

ріота, чтобы онъ предаль Спасителя; если бы этотъ несчастный полученную стрѣлу не согрѣлъ, то никогда послѣ омовенія хлѣба въ солило не вошелъ бы въ него Сатана. Въ-стѣ съ тѣмъ тщательно размыслите о томъ, что сатана нашель средство (Іосипъ) для входа въ сердце Іуды,—хотя поразиль его еще раньше, — только на вечери Спасителя (Іоан. XIII); это потому, что мы преимущественно предаемся въ его власть тогда, когда насъ не побѣждаетъ ни человеколюбіе, ни кротость, ни милосердіе того, кого мы недостойно ненавидимъ. Съ этими словами Апостола: *Не давайте мѣста діаволу* сравнивается мѣсто изъ Еккліаста: *Если на тебя найдетъ духъ имѣющаго власть, то не давай ему твоего мѣста* (Еккл. X, 4). Онъ гордый и надменный хочеть взойти, хочеть подойти; но ты не давай ему мѣста, если бы даже онъ полагаль, что ты угнетенъ, а онъ торжествуетъ. Потому что власть діавола заключается не въ его надменности и хвастовствѣ, а въ твоємъ желаніи.

Стихъ 28: *Кто крилз, тотъ пусть уже не крадетъ, но больше работаетъ, дѣлая руками своими то, что хорошо, чтобы имѣть для передачи тому, кто имѣетъ нужду.*—Такъ какъ тѣ, которые вращаются въ дѣлахъ этой жизни, ради пропитанія и добыванія необходимаго бываютъ вынуждены покунать или продавать и стремиться къ прибытку отъ своего дѣла, то даже тѣмъ, которые освободились отъ другихъ страстей, именно, прелюбодѣйства, блуда, ядо-служенія, человекоубійства, трудно не поддаться послѣднему пороку. Посему Апостоль увѣщаваеъ нынѣ Ефесянъ, чтобы они ради прибытка не впадали въ преступленіе воровства; называя воровство, онъ разумѣетъ все то, чтѣ является ущербомъ для другого. Но справедливо, чтобы каждый, трудясь собственноручно и приобрьтая трудомъ средства къ жизни, подавалъ немущимъ. Итакъ, кто работаетъ только для того, чтобы самому не нуждаться, а другимъ не протягиваетъ руки (contahit manum), тотъ хотя и хвастается, однако не

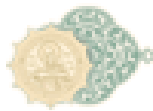

исполнять заповѣди Апостола. Но слова: *Кто краде, пусть уже не крадетъ* можно понимать болѣе возвышенно въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что написано о лжепророкахъ, *которые крадутъ слово, каждый у ближняго своего* (Іерем. XXIII, 30), и въ Евангеліи: *Всѣ, приходившіе раньше Меня, воры были и разбойники* (Іоан. X, 8), и къ Римлянамъ: *Ты, проповѣдующій, что не должно крестъ, крадешь* (Римл. II, 21), — все это показываетъ, что мы не должны (prohibeamus) совершать духовнаго воровства. Такимъ же образомъ и слѣдующія слова: *А лучше пусть трудится, своими руками дѣлалъ то, что хорошо* по справедливости не могутъ быть отнесены только къ тому, что необходимо для жизни, т. е. невозможно, чтобы добрымъ называлось что-либо преходящее, и что относится къ маммонѣ неправды. Въ самомъ дѣлѣ, хотя бы праведный трудъ собралъ богатства, пріобрѣтенныя безъ хитрости, достаточно для нихъ, если они не будутъ называться зломъ; но они не заслуживаютъ названія блага. Итакъ, доброе дѣлаетъ тотъ, кто уклоняется отъ зла и дѣлаетъ добро, и трудится на нивѣ души своей, чтобы она наполнилась духовнымъ хлѣбомъ, и онъ могъ подавать аячущему и живущему въ нуждѣ, доставляя сотрудникамъ своимъ хлѣбъ своевременно. Но если есть таковъ тотъ, который дѣлаетъ добро, то слѣдовательно, который крадетъ, тотъ крадетъ слова и ученіе, живя отъ кражи и отъ кражи сшивая себѣ изголовье, и то тамъ, то здѣсь собирая для себя въ Писанія клочки, чтобы сшить себѣ разорванную тунику, которая снизу, а не сверху. А туника Церкви, т. е. тѣло Христова соткана сверху, и ни въ одной части своей не имѣетъ швовъ и не можетъ быть разорвана даже язычниками.

Стихъ 29: *Да не исходитъ изъ устъ вашихъ никакое злое слово, но только доброе для своевременнаго созиданія, чтобы подавать благодать слушающимъ.* — Добрымъ словомъ для благовременнаго назиданія, подающимъ благодать слушающимъ бываетъ то, которое учитъ слѣдовать добро-

дѣтели и избѣгать пороковъ; а дурнымъ словомъ—то, которое призываетъ къ грѣхамъ и склонныхъ [къ нимъ] еще болѣе побуждаетъ къ полному паденію. Въмѣсто переведеннаго нами *для своевременнаго созиданія*, т. е. того, что на греческомъ языкѣ выражено словомъ τῆς ὑμετέρας, въ Латинскихъ собраніяхъ св. книгъ переводчикъ для благозвучія измѣнялъ и употребилъ выраженіе: *для созиданія въры*. Какъ только отъ нашихъ словъ кто-либо получаетъ пользу и по соотвѣстствію мѣста, времени или лица назидаетъ слушающихъ, то изъ устъ нашихъ исходитъ доброе слово. А когда мы говоримъ или не во-время, или въ неподходящемъ мѣстѣ, или не такъ, какъ пригодно для слушающихъ, тогда каждый разъ изъ устъ нашихъ исходитъ злое слово къ разстройству тѣхъ, которые слушаютъ. Итакъ, будемъ соображать то, что мы говоримъ, потому-что за всякое слово праздное мы дадимъ отчетъ въ день суда (*Мѡ. XII*). И даже, если бы мы не оскорбляли никого, но если не назидаемъ, то за слово злое намъ должно быть воздаяніе.

Стихъ 30: *И не печаливайте Святаго Духа Божія, Которымъ вы знаменованы въ день искупленія.*—Печаль Духа Святаго должна быть понимаема такъ-же, какъ и гнѣвъ Божій, и сонъ, и прочія страданія по подобію людей. Это значить не то, что Духъ Святый испытываетъ печаль и Божество ощущаетъ нѣкоторое безпокойство, а то, что мы человѣческими выраженіями познаемъ движенія Божественнаго чувства, потому что Онъ печаливается, когда мы согрѣшаемъ и какъ бы оплакиваетъ грѣшниковъ. Ибо и Спаситель, бывшій въ тѣлѣ, оплакивалъ Іерусалимъ (*Лук. XIX*), а въ лицѣ пророка весь родъ человѣческій, говоря: *Горе мнѣ, душа, потому что погибъ отъ земли отвращающій* [или: *почитающій*] *и путь между людьми того, который направляетъ: всѣ судятся въ крови* (*Мих. VII, 2*). А перечисляя у Іезекііа дѣла нѣбогда святаго города, говорить: *Во всемъ этомъ ты печалилъ Меня* (*Іезек. XX*). А знаме-

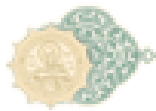

нованы мы Святымъ Духомъ Божіимъ такъ, что и духъ нашъ, и душа запечатлѣваются знаменіемъ Божіимъ, и мы получаемъ тотъ образъ и подобіе, по которымъ созданы отъ начала. Это знаменіе Святаго Духа по слову Спасителя подается отъ запечатлѣнія Бога: *Ибо Ею*, говоритъ Онъ *назnamenовалъ Богъ Отецъ* (Іоан. VI, 27). Итакъ знаменуется отъ Отца Духомъ Святымъ всякій, кто своею вѣрою въ Бога показалъ, что Онъ—истинный Богъ. Онъ знаменуется для того, чтобы сохранить эту печать и показать ее въ день искупленія чистою и неповрежденною, и неиспорченною ни въ какой своей части и по ней быть причисленнымъ къ тѣмъ, которые искуплены.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Павла и Евстохія! въ предисловіи къ первой книгѣ толкованій на посланіе къ Ефесянамъ я болѣе чѣмъ достаточно сказалъ о значеніи доказательствъ въ посланіи Павла къ Ефесянамъ, и по немногу,—гдѣ былъ поводъ къ тому,—хотя и кратко показалъ, что блаженный Апостолъ ни къ одной изъ церквей не писалъ столь таинственно и не раскрылъ столь сокровенныя священнодѣйствія. А теперь, такъ какъ я, подбръпляемый молитвами вашими и святой Марцеллы, диктую третью, т. е. и послѣднюю книгу на то же посланіе, то мнѣ кажется справедливымъ показать, что и словопроизводство самого имени соответствуетъ вышеизложенному мною смыслу. Слово *Ефессъ* переводится на латинскій языкъ словомъ *хотъніе*, или: *совѣтъ мой въ немъ*, или еще: *душа моя въ немъ*. Хотѣніе, совѣтъ и духъ Божій бываетъ въ томъ, который можетъ сказать: *Ибо Онъ Самъ далъ мнѣ познаніе о всемъ* (Еккл. I и 1 Іоан. V), и хотя неизвѣстное и тайное Божественной премудрости было открыто Ему, однако слѣдуетъ свидѣтельство говорящаго: *Я нашелъ Давида, сына Іессеева, мужа по сердцу Своему, который исполнилъ всѣ желанія*

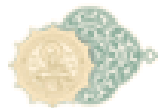
Мои (Дьян. XIII, 22). На мужа этого рода указываетъ и пророкъ Осія, говоря: *Кто мудръ и пойметъ [или: понимаетъ и: признаетъ] это, разуменъ и признаетъ то, (Ос. XIV, 10).* Затѣмъ, чтобы вы знали, что велико отличие человѣка просто праведнаго отъ праведнаго мудреца, послушайте, какую славу наследуютъ отдѣльные изъ мертвыхъ въ воскресеніи: *И многіе изъ спящихъ встанутъ изъ праха земнаго: одни въ жизнь вѣчную, а другіе на позоръ и смятеніе вѣчное, и разумные будутъ блистать, какъ сіяніе тверди, и многіе изъ праведныхъ будутъ, какъ звѣзды на вѣкъ (Дан. XII, 2).* Будутъ блистать, говорить, праведные, какъ звѣзды на вѣкъ, и разумные, т. е. имѣющіе знаніе Писанія, какъ сіяніе неба. Это не то значить, что ученый мужъ не долженъ быть также и праведнымъ, а то, что праведный, если не будетъ наученъ, будетъ такъ далекъ отъ праведнаго мудраго, какъ блескъ звѣздъ отъ сіянія тверди. Поэтому, если кто наставленъ только въ размышленіи о Законѣ, но не радить о своей жизни, тотъ не имѣетъ дерзновенія сказать: *Отъ заповѣдей Твоихъ я научился, посему устремляюсь къ исполненію вѣхъ повелѣній Твоихъ (Псал. CXVIII, 10);* онъ, какъ мѣдъ звенящая и какъ бряцающій кимвалъ и соль, утратившая силу, долженъ быть попираемъ въ грязи (1 Коринт. XIII, Марк. IX и Лук. XIV). Но если мнѣ дадутъ на выборъ то и другое (оставляя въ сторонѣ того, кто имѣетъ мудрость и праведность), то я предпочелъ бы праведную простоту ученой злобѣ, потому что въ первомъ случаѣ хотя и меньшая слава звѣздъ однако по существу равна свѣту, а во второмъ случаѣ по мѣрѣ приобрѣтенія знанія является большая отвѣтственность. *Сильные претерпятъ мученія (Премудр. VI, 7).* Также: *Рабъ, который познаетъ волю господина своего и не исполнитъ ея, будетъ подвергнутъ бѣнію многимъ (Лук. XII, 47).* Это потому, говорю я, что хочу показать, почему имя Ефесянъ значить духъ, совѣтъ и волю Божию, — именно потому, что они, оставивъ чу-

деса волшебства, ревность къ заблужденію перенесли на познаніе истины. Ради спасенія ихъ Павелъ трудился столь много, что писалъ къ Коринѣянамъ: *Если я, судя по человѣчески, боролся въ Ефесѣ съ змѣями, то какая мнѣ польза, если мертвые не воскресаютъ* (1 Коринѣ. XV, 32)? Что это за звѣри? Это именно тѣ, относительно которыхъ Псалмопѣвецъ говорить въ молитвѣ: *Не предай змѣямъ душу, полагающуюся на Тебя* (Псал. LXXIII, 13). И въ другомъ мѣстѣ: *Запрети змѣямъ въ камышъ* (Псал. LXVII, 31). Дѣйствительно, врагъ нашъ, діаволь, какъ рыкающій левъ бѣгаетъ вокругъ (1 Петр. V, 8). Когда же онъ увидѣлъ, что главный городъ Азіи похищенъ изъ пасти его на сторону ученія Павла, то, собравъ всѣ отряды спутниковъ своихъ, устремился подавить его и, безчестно возносясь, хотѣлъ подобно орлу устроить надъ нимъ гнѣздо свое (Ис. XIV; Притч. IV). Чувствуя это, и со всякою тщательностію сохраняя сердце свое (потому что кому не извѣстны его коварства), Апостолъ даже послѣ побѣды, но побѣды не безкровной, говорилъ: *Мы не хотимъ, братіе, оставить васъ въ невѣдѣніи о терзаніяхъ нашихъ, которыя были намъ въ Азіи, потому что мы былиотяжены сверхъ мѣры, выше силы, такъ что намъ даже стало невыносимо жить* (2 Коринѣ. I, 8). А то, что посланіе отправляется чрезъ Тихика, это весьма согласно съ священнотаинственнымъ содержаніемъ того же посланія (1 Тессал. IV). На это предпосылаетъ указаніе и оглавленіе девятого исалма: *О тайнахъ сына, потому что слово Тихикъ значить молчащій*, т. е. не бросающій бисера предъ свиньями и не дающій святыни псамъ, но свободно говорящій къ Богу: *Въ сердце своемъ я скрылъ слова Твои, чтобы не согрѣшить предъ Тобою* (Псал. CXVIII, 11).

Стихъ 31: *Всякое огорченіе, и ярость, и гнѣвъ, и вопли и злословіе да отнимется отъ васъ съ всякою злобою.*— Огорченіе противоположно пріятности. Поэтому горькіе попросту называются сладкими, о чемъ и пророкъ Іеремія гово-

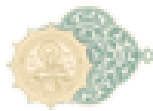
рить такъ: *И огорченіе Твое возшло на меня (Іерем XV, 17)*. А ярость есть начинающійся гнѣвъ и разгорѣвшееся въ душѣ негодованіе. Гнѣвъ же (видами котораго являются горечь и ярость) по утоленіи ярости требуетъ мщенія и хочетъ обидѣть того, котораго считаетъ повредившимъ ему. Хотя на это также указывается и въ лицѣ Божиѣмъ очень часто, — какъ, напримѣръ: *Господи! не обличай меня въ ярости Своей и не исправляй меня въ гнѣвъ Своѣмъ (Псалм. VI, 1)*, — однако возмущенія [Его] духа не должно сравнивать съ нашими, потому что въ Немъ все умѣренно и приведено въ порядокъ, и наказаніе, которымъ исправляются грѣшники, называются такъ соотвѣтственно нашему словоупотребленію. А мы, если гнѣваемся, то приходимъ въ смятеніе, и увлекаемые яростію перестаемъ быть самими собою. Поэтому отъ насъ должны быть удалены всякое раздраженіе и ярость, и гнѣвъ. Ибо къ извѣстному слову Евангелія: *Всякій, гнѣвающийся на брата своего безъ причины, будетъ отвѣтственъ предъ судомъ (Мат. V, 12)* напрасно прибавлены слова: *безъ причины*, потому что Апостолъ яснѣйшимъ образомъ говорить, что намъ не позволяется гнѣваться даже и безъ причины: *Огорченіе и ярость и гнѣвъ да будутъ удалены отъ васъ*. Также и въ тридцать шестомъ псалмѣ устраняется всякое возмущеніе души вообще: *Успокойся отъ гнѣва и оставь ярость*. Въ самомъ дѣлѣ, если гнѣвъ желаетъ мщенія, а всякое мщеніе требуетъ воздаянія зломъ тому, кто является нашимъ оскорбителемъ; и если Христіанинъ не долженъ воздавать зломъ за зло, но, наоборотъ, зломъ побуждать добро (1 Петр. III и Римл. XII, 19) и если *Господь говоритъ: „Мнѣ отмщеніе, и Я воздамъ“ (Второз. XXXII, 35)*; то всякій гнѣвающийся согрѣшаетъ, ибо: *Гнѣвъ человека не приноситъ оправданія Божіа (Іак. I, 20)*. Послѣ огорченія, ярости и гнѣва совершенно правильно запрещаются среди насъ также вопли и злословіе, потому-кто когда-либо поддается ярости, у того по необходимости она прорвется въ крикъ, и

онъ, дрожа отъ возмущенія, подобно древесному листу будетъ метаться туда и сюда и кричать: „О неправда мірская! О несправедливые суды Божіи!“ и проч., что обыкновенно говорятъ тѣ, которые вслѣдствіе ярости въ негодованіи утратили разсудительность ума. Затѣмъ, злорѣчіе бываетъ не только открытое и рождающееся изъ гнѣва, но оно проявляется и безъ гнѣва при спокойной мысли. Такъ, напримѣръ, кто нибудь возмущается управленіемъ этого міра и говоритъ: „Вотъ это должно быть не такъ, а должно быть оно вотъ такъ“, или, напримѣръ, кто-либо, поставленный въ Церкви и вѣрующій въ Бога, колеблется въ ученіи, котораго не позволительно не знать, именно: судить объ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ иначе, чѣмъ содержитъ истинная сущность его, или не такъ вѣруеть въ воскресеніе мертвыхъ, какъ учить Писаніе, или, заведуча чужой премудрости, представляетъ, что неправильно учить тотъ, кто въ дѣйствительности имѣетъ вселенскую вѣру, и, наоборотъ, еретика за лестъ, которую встрѣчаетъ съ его стороны, признаетъ истинно вселенскимъ по вѣрѣ; или кто сладкое называетъ горькимъ, а горькое—сладкимъ. Поэтому у насъ съ всякимъ прилежаніемъ должно читаться Св. Писаніе, и мы день и ночь должны размышлять въ законѣ Господнемъ, чтобы, какъ признаваемые истинными участниками пиршества, знали, какая монета настоящая и какая—поддѣльная. Затѣмъ мы должны отложить огорченіе, ярость, гнѣвъ, воли и злословіе такъ, чтобы это было удалено вмѣстѣ съ всякою злобою. Злоба должна быть понимаема или какъ нѣчто противоположное добродѣтели, что мы называемъ иначе порокомъ, или какъ злое настроеніе или безпутство, обнаруживающіяся въ упорствѣ и лукавствѣ.

Глава V.—Стихъ 1 [Глава IV, ст. 31]: *Но будьте взаимно благосклонны, милосерды, даруя (прощая) самимъ себя, какъ и Богъ даровалъ вамъ въ Христѣ.*—Выше мы сказали, что огорченію противоположна сладость, которую теперь Апостолъ называетъ *χρηστότητα*, т. е. болѣе правиль-

но: *пріятность*, чѣмъ *благосклонность*, научая насъ, чтобы мы, осудивъ всякое огорченіе, ярость, гнѣвъ, вопли, злословіе, бурное движеніе и нѣкоторую жесткость лица, были милосердными и ласковыми и привлекали людей къ близости съ собою такъ, чтобы никто не страшился приближаться къ намъ; эта близость сравнивается съ милосердіемъ, но, уступая другимъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не лишаемся того, что даемъ сами, ибо далѣе слѣдуетъ *давая самимъ себѣ*, такъ какъ доброе для другого болѣе служить тому, кто даетъ, чѣмъ тому, кому дано. Кто оказываетъ милосердіе бѣднымъ, тотъ самъ насытится, и кто даетъ имъ, тотъ даетъ въ заемъ Богу. Впрочемъ, можетъ быть понимаяемо и такъ, что въ томъ, въ чемъ мы ласковы и милосерды и, оставивъ возмущеніе, которое насъ беспокоитъ, мы перешли къ любезности и умеренности, мы сами получимъ даваніе и даръ, когда изъ злыхъ обращаемся въ добрыхъ и даемъ сами себѣ то самое, что Богъ Отецъ даровалъ въ Христѣ. Дѣйствительно, если, оставивъ пороки, послѣдуемъ добродѣтелямъ,—а всѣ добродѣтели: мудрость, истина, правда, кротость и прочее относятся къ Христу; то имѣя эти добродѣтели, мы приобретаемъ ихъ себѣ собственнымъ прилежаніемъ и даемъ себѣ возможность имѣть то, что Богъ даровалъ намъ въ Христѣ Іисусѣ. Другой же [толкователь] слова: *давая самимъ себѣ* пусть понимаетъ просто, такъ что, какъ выше говорится: *Будьте взаимно ласковы*, такъ и теперь: *давая самимъ себѣ* вмѣсто: *давая взаимно себѣ*, такъ что какъ Богъ въ Христѣ простилъ намъ грѣхи наши, такъ и мы должны отпустить тѣмъ, которые согрѣшили противъ насъ. А для доказательства того, что отпущеніе грѣховъ въ свящ. Писаніи называется дарованіемъ, пусть онъ возьметъ тотъ примѣръ изъ Евангелія отъ Луки, гдѣ говорится, что одному человѣку должны были одинъ пятьсотъ динаріевъ, а другой—пятьдесятъ (гл. VII); онъ обоимъ простилъ долгъ и на вопросъ Спасителя спрошенный отвѣтилъ, что большую любовь къ

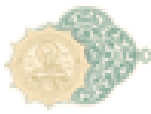
довѣрителю будетъ имѣть тотъ, которому больше дано. И въ молитвѣ Господней говорится: *Отпусти намъ долги наши, какъ и мы отпускаемъ должникамъ нашимъ* (Мо. VI, 12). А Богъ даровалъ намъ въ Христѣ, находясь не внѣ, но обитая въ Немъ, ибо Отецъ въ Сынѣ и Сынъ въ Отцѣ. Но при этомъ Тотъ, въ Которомъ подается, не меньше Того, Который въ Немъ подаетъ, потому что и Апостоль говоритъ: *И если я что-либо даровалъ вамъ, то отъ лица Христа и Бога* (2 Корн. II, 10).

Итакъ будьте подражателями Богу, какъ сыны возлюбленнѣйшіе.—Кто понимаетъ, какъ сказано: *Будьте совершенны, какъ и Отецъ небесный совершенъ есть* (Мо. V, 48), тотъ будетъ знать, какимъ образомъ и теперь говорится: *Будьте подражателями Богу* (1 Корн. IV, 163). А въ посланіи къ Коринѣянамъ онъ также говоритъ: *Подражайте мнѣ, какъ и я Христу* (1 Корн. XI, 1). Въ самомъ дѣлѣ, они не могли быть подражателями Христу непосредственно, но для нихъ было уже много, если они могли быть подражателями подражателя Его. А Ефесянамъ, какъ будто тѣмъ, которыхъ онъ научилъ столь многими тайнствамъ, онъ уже не говоритъ: „Будьте моими подражателями“, и не говоритъ: „Подражателями Христа“, но: *Подражателями Богу*. Это не то значить, что быть подражателемъ Христа значить меньше, чѣмъ подражателемъ Бога (ибо Христосъ есть Богъ), но то, что быть подражателемъ по человѣку одно, а по Богу—другое. Ибо хотя мы прежде того знали Христа по плоти, но теперь уже не знаемъ Его по плоти. И самъ Спаситель говоритъ,—показывая уничиженіе въ домостроительствѣ: *То, что Сынъ видитъ Отца дѣлающимъ, тоже и Самъ дѣлаетъ также* (Іоан. V, 19). Это значить не то, будто Отецъ создалъ иное небо и иную землю, и по подобію ихъ Христомъ сотворены иное небо и иная земля и прочія составныя части (elementa); а значить то, что Сынъ дѣлаетъ то же самое, что дѣлаетъ и Отецъ. А въ чемъ мы можемъ быть

равны Богу, объ этомъ Онъ засвидѣтельствовалъ выше, говоря: *Даруя себя, какъ и Богъ даровалъ вамъ въ Христѣ*, ибо я не думаю, чтобы въ остальномъ, что творить Богъ, человѣкъ могъ подражать Богу; а, напримѣръ, какъ Богъ милосердъ и посылаетъ дождь на злыхъ и добрыхъ и т. д., такъ и мы должны изливать свою доброту на всѣхъ людей. Когда мы будемъ это дѣлать, то будемъ возлюбленными чадами или самаго Павла, или,—какъ мнѣ думается лучше,—Бога.

Стихъ 2: *И ходите въ любви, какъ и Христосъ возлюбилъ насъ и предалъ Самого Себя въ приношеніе за насъ въ жертву благоуханную Богу.*—Кто ради спасенія другихъ даже до крови борется противъ грѣха, тотъ ходитъ въ любви, подражая Христу, Который настолько возлюбилъ насъ, что претерпѣлъ крестъ за спасеніе всѣхъ. Ибо какъ Онъ предалъ Себя за насъ, такъ и этотъ, охотно умирающій за тѣхъ, за которыхъ можетъ, подражаетъ Тому, Который предалъ Себя въ приношеніе и жертву благоуханную Отцу; онъ и самъ будетъ приношеніемъ и жертвою благоуханною Богу.

Стихи 3, 4: *А блудодѣяніе и всякая нечистота или жадность, пусть даже и не называются среди васъ, какъ это прилично святымъ; также и позорныя, и глупыя слова, и шутовство, не имѣющее отношенія къ дѣлу* [не соответствующее вашему положенію], *но благодареніе.*—Если бы не было нѣкотораго изъ философовъ циника, который училъ, что всякое щекотаніе плоти и всякое истеченіе сѣмени, вызываемое какимъ-либо треніемъ или прикосновеніемъ при случаѣ не должно быть избѣгаемо, и если-бы мудрецы вѣка сего не соглашались съ такимъ позорнымъ и заставляющимъ краснѣть отъ стыда ученіемъ: то святой Апостолъ въ посланіи къ Ефесянамъ никогда не связалъ бы съ блудодѣяніемъ всякой нечистоты, а къ нечистотѣ не присоединилъ бы жадности (скупости), не той, которая побуждаетъ насъ къ собиранію денегъ, а той, о которой мы сказали выше:

Пустыя не обходятъ и съ жадностію не обманываетъ въ долъ брата своего. Это именно потому, что ненасытный и неудовлетворимый проходить по всѣмъ родамъ позорныхъ дѣяній и распутства. *Какъ прилично, говорить, святымъ.* Поэтому ученію святымъ не можетъ называться тотъ, кто помимо блудодѣйства оказывается виновнымъ еще въ какой-либо нечистотѣ и жадѣ похоти къ удовольствіямъ, которыя улаждаютъ его. А если кто либо полагаетъ, что жадность должно понимать въ томъ значеніи, которое мы показали, то онъ долженъ указать причины, по которымъ жадность сверхъ обыкновенія поставляется среди блудодѣянія, нечистоты, позорныхъ и глупыхъ разговоровъ и шутовства. Затѣмъ подъ глупыми разговорами, по моему мнѣнію, нужно понимать не только слова тѣхъ, которые рассказываютъ о чемъ-либо постыдномъ, чтобы возбудить смѣхъ и съ притворнымъ юродствомъ издѣваются надъ тѣми, которымъ желаютъ понравиться; но и разсужденія тѣхъ, которые считаются мудрецами вѣка сего и, преснираясь о естественныхъ предметахъ, утверждаютъ, что они узнали точно число песчинокъ на морскомъ берегу, капли воды въ Океанѣ, огромныя небесныя пространства и средоточіе земли. Встрѣчаются глупые разговоры и въ Церкви. Такъ, напр., если кто-либо, введенный въ заблужденіе непонятыми словами пророка Исаіи, полагаетъ, что небо закруглено подобно своду, и что на небесахъ поставленъ престолъ, на которомъ возсѣдаетъ Богъ и подобно владыкѣ (imperatoris) и судіи окруженъ стоящими ангелами, которые повинуются словамъ повелителя и посылаются на различныя служенія (Ис. VI). Но такъ какъ за глупыми разговорами слѣдуетъ шутовство, то ихъ должно относить преимущественно къ глупымъ и невѣжественнымъ рассказамъ. Между глупыми рѣчами и шутовствомъ замѣчается то различіе, что глупые разговоры не имѣютъ въ себѣ ничего мудраго и достойнаго человѣческаго сердца человѣка. А шутовство исходитъ отъ разумной мысли и съ намѣреніемъ прискиваетъ нѣкоторые

слова городскія, или деревенскія, неприличныя, или шутивыя; другимъ словомъ его можно назвать смѣхотворство съ цѣлью вызвать смѣхъ у слушающихъ. Но и его совершенно должны устранять святые мужи, которымъ болѣе прилично плакать, — какъ мы читаемъ въ нѣкоторомъ Еврейскомъ Евангеліи, будто бы слова Господа къ ученикамъ: *И будьте радостными только тогда, когда увидите брата своего въ любви*. Кажется, что до этого мѣста не было предложено ничего лишняго и стоящаго внѣ связи рѣчи и расположенія словъ [въ посланіи]. Но о слѣдующемъ за тѣмъ и находящемся въ концѣ: *Но болѣе благодареніе* можетъ быть кто-нибудь спросить и скажетъ: „Что значать эти слова послѣ запрещенія прелюбодѣянія и нечистоты, и неумѣренности, и позорныхъ дѣлъ, и глупыхъ рѣчей и шутовства. Въ самомъ дѣлѣ, если ему было угодно говорить о какой-либо добродѣтели, то онъ долженъ былъ говорить прежде всего объ истинѣ, справедливости и любви. Но какъ это является непослѣдовательнымъ, такъ и тамъ была бы непослѣдовательность и при такой же свободѣ рѣчь не имѣла бы порядка. Поэтому можетъ быть, что въ этомъ мѣстѣ названо не то благодареніе, когда мы благодаримъ Бога, но то, по которому мы среди людей называемся любезными, благопріятными или [наоборотъ] лживыми. Глупости и шутовство не прилично христіанину; но прилично, чтобы рѣчь его была приправлена нѣкоторою солью, чтобы онъ имѣлъ расположеніе у слушателей. А такъ какъ было въ обычаѣ, — кромѣ нѣкоторыхъ ученыхъ среди Грековъ, — слово *εὐχαριστία* употреблять для обозначенія только таинства причищенія, а не *быть пріятнымъ* или *любезнымъ*; то, думаю, Апостолъ, какъ Еврей изъ Евреевъ, воспользовался простонароднымъ словомъ, и его смыслъ захотѣлъ разъяснить значеніемъ другаго слова, и это въ особенности потому, что у Евреевъ *благопріятный* и *благодарящій* выражается однимъ словомъ. Поэтому я полагаю, что и въ Притчахъ написано такъ: *פֶּן־יִשְׁחַח*

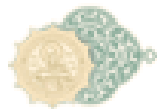
ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1903.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

К І Е В Ъ.

Тип. И. И. Горбупова, Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.
1903.

Печатать дозволяется. 27 Августа 1903 г.
Ректоръ Кіевской Духовной Академіи *Епископъ Платонъ*.